

M-91

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи
УДК 90 902/479.25

МУРАДЯН ПАРУЙР МАМБРЕЕВИЧ

АРМЯНСКАЯ ЭПИГРАФИКА ГРУЗИИ
(Картли и Кахети)

Специальность: 07.00.09 - Историография и источниковедение

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ЕРЕВАН - 1985

Работа выполнена в Институте востоковедения АН АрмССР

Официальные оппоненты: Академик АН АрмССР, доктор исторических наук, профессор
Б. Н. АРАКЕЛЯН

Член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, профессор
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ

Доктор исторических наук
В. Р. ГРИГОРЯН

Ведущая организация: Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР

Защита состоится 20 мая 1986 г. на заседании специализированного совета Д 005.19.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории АН АрмССР (375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24г).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института истории АН АрмССР.

Автореферат разослан 16 апреля 1986 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат исторических наук

ОВАКИМЯН В. Х.

*Խնդրում եմ գրել Վրացի
կարգ. Սերգեյ Կոչարյանի,
Բաղդատյանի*

Մ. Շիրազյան

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Исследователи политической, хозяйственной, административной, этнической и культурной истории стран Закавказья в настоящее время остро ощущают необходимость дополнительных сведений первоисточников, привлечение которых, в дополнение к историческим сочинениям, даст возможность продолжить углубленное и обстоятельное исследование многочисленных проблем истории региона. Поиски новых источников информации обусловили возрастающий интерес кавказоведов к некоторым, ранее недостаточно обследованным жанрам – к мелким хроникам, колофонам рукописей, свидетельствам иноязычных авторов, повествованиям и преданиям. Однако эти источники также не гарантированы от последующих интерполяций и литературно-фольклорных обработок. Поэтому ныне в отечественном кавказоведении особо важное место отводится эпиграфическим памятникам, которые в отличие от нарративных и фольклорных свободны от возможных последующих переделок и дополнений и поэтому заслуживают большего доверия. Несмотря на лаконичность, порой даже трафаретность их изложения, памятники эпиграфики имеют то преимущество, что представляют собой конкретные фактические сообщения, являющиеся причиной и целью их составления. Зачастую просто само наличие надписи на том или другом языке в данном месте уже является фактом первостепенной важности, имеющим прямое отношение к политическим, этническим и культурным событиям края.

Следует также учесть, что если источники повествовательного жанра не всегда датированы и хронология представленных в них событий нуждается в определении либо в проверке, то эпиграфические источники в большинстве случаев снабжены ими, почему они и приобретают решающее значение при исследовании отдельных проблем истории.

Документированное издание и источниковедческое исследование дошедших до наших дней в той или иной степени сохранности эпиграфических памятников – актуальная задача отечественной исторической науки и долг нашего поколения кавказоведов. Многочисленные проблемы политической, социальной, экономической, этнической, культурной и административной истории средневековой Армении и Грузии могут быть поставлены и решены только с привлечением

ем сведений эпиграфических материалов. К числу таких проблем принадлежит и история возникновения и функционирования на протяжении многих веков армянских поселений в Грузии, в частности, в центральных областях страны – в Картли и Кахети. Нам до сих пор неизвестно, когда и в силу каких обстоятельств они образовались, какие социальные слои находили пристанище в Грузии, выходцами из каких армянских областей они были, как вписались переселенцы в местную этническую среду, чем занималась их основная масса, какие формы землепользования преобладали в этих поселениях, неизвестно, как отражалась на них политическая ситуация в разные периоды средневековой истории Грузии, какие происходили этнические процессы, в чем заключалась заинтересованность в них царских династий и местных правителей, причастны ли были переселенцы к политической, экономической и культурной жизни Грузии, какова была степень сохранения этнокультурной самобытности переселенцев, их конфессиональная принадлежность, лингвистическая ситуация, правовое положение, уровень и степень интенсивности общения с грузинской культурной средой и т.д. Без полного и документированного издания армянской эпиграфики Картли и Кахети эти проблемы не могут быть не то что решены, но по существу и поставлены. Предлагаемая диссертационная работа в основной своей части посвящена исследованию этих проблем, актуальных как для истории средневековой Грузии и Армении, так и для понимания некоторых современных этнических проблем и процессов. История армянского народа XI – XVIII вв. складывается не только из истории самой Армении, но и из истории армянских поселений в разных странах Азии и Европы. Грузия же была самой близкой им в географическом, политическом и культурном отношении страной, куда переселялись массы армянского народа. Их переселение оказало влияние и на грузинскую среду. Поэтому исследование источников истории армянских поселений Грузии относится одновременно и к истории Грузии, и к истории армянского народа. Армянская эпиграфика Картли и Кахети существенно обогащает источниковедческую базу арменистики и грузиноведения, отечественного кавказоведения в целом.

Разработанность темы. Первые сведения о существовании армянских надписей на территории Грузии проникли в литературу лет двести тому назад (путешествие И.-А.Гюльденштедта по Грузии в 1771 г.). В 50-е гг. прошлого столетия в Армении и Грузии побь-

вал М.-Ф.Броссе, специально интересующийся и памятниками эпиграфики. Из числа включенных в нашу диссертацию эпиграфических памятников им были прочитаны и опубликованы армянские строительные надписи из Уплисхихе и Атени. Десятилетием позже древностями Кахети (Телави и Греми) заинтересовался поручик русской армии Р.Ерзынкянц, однако о результатах его поисков мы судить не можем, ибо в периодике того времени и архивах найти его записки не удалось. В 1912 г. И.А.Джавахишвили опубликовал работу "К вопросу о времени построения грузинского храма в Атени, по вновь обследованным эпиграфическим материалам", в которой воспроизведена и армянская строительная надпись архитектора Тодосака. Правда, некоторые лакуны в тексте остались невосполнимыми, но публикация И.А.Джавахишвили выгодно отличается от предыдущих (Дюбуа де Монперье, А.Муравьева, М.Броссе, П.С.Уваровой). Он внес уточнение как в датировку самого архитектурного памятника, так и соответственно в надпись Тодосака, отнеся ее к периоду до середины IX в. В исследовании и издании памятников армянской эпиграфики Грузии весьма значительны заслуги Л.М.Маликсет-Бека. Он приступил к сбору и публикации материалов в 1914 г. За несколько десятилетий им осуществлено издание части армянских надписей с Вака, Атенского Сиона, "Гаресджийского многогорья". Он планировал издать "Корпус армянской эпиграфики Грузии", придерживаясь принципа составления свода "Летописи на камнях" К.Костанянца (т.е. без всякой документации и комментариев, расположив взятый из существующих изданий материал в хронологическом порядке).

В 1940 г. А.Г.Шанидзе и В.С.Путуридзе опубликовали трилингву из Греми, снабдив армянский и персидский тексты грузинским переводом, а саму трилингву – комментариями историко-филологического характера.

В последние годы, в связи с реставрационными работами, предметом исследования стали армянские надписи Атенского Сиона. Вопросам дат и интерпретаций надписи Тодосака, а также надписей и графем, помещенных на скульптурных изображениях в разных частях храма, была посвящена статья Г.Вл.Абрамишвили "Два строительных периода Атенского Сиона" (1972 г.). Свод армянской эпиграфики Сиона был составлен З.Н.Алексидзе (1978 г.), сопроводившим издание интерпретацией имеющихся в надписях сведений и обсудившим ряд других вопросов историко-культурного порядка. Им вы-

явлено несколько новых граффити X – XIII вв., не замеченных предыдущими исследователями памятника. Прочтение издателя в отдельных случаях нуждается в существенных уточнениях, а следовательно, пересмотру подлежат и некоторые его заключения принципиального характера *.

Из всех надписей с УП века по 1851 г., включенных в диссертационную работу, предыдущими исследователями издана приблизительно четвертая часть, остальные же публикуются и вводятся в научный оборот впервые. Следует также отметить, что часть упомянутых публикаций носила характер предварительной работы, фиксации факта, рассмотрения частного вопроса в связи с другими проблемами и не преследовала цели документированного издания текста надписи и ее исследования с точки зрения источниковедения. Нами впервые составлен полный свод армянской эпиграфики Картли и Кахети, и весь этот эпиграфический материал подвергается монографическому источниковедческому исследованию.

Методика исследования. Монографическому исследованию интересующих нас проблем предшествовала проведенная нами работа по дешифровке самого эпиграфического материала, составление свода в объеме, продиктованном задачами данной работы. С этой целью за два десятилетия работы над темой "Армянская эпиграфика Грузии", а также "Грузинская эпиграфика Армении" (монография на эту тему издана в 1977 г.) нами были предприняты неоднократные экспедиции для копирования, чтения или дешифровки, проверки текстов, установления и характеристики специфики письма, для контроля правомерности предлагаемых корректур.

Достижения в области исторической науки ставят перед источниковедением, особенно же перед эпиграфикой, ряд новых и усложненных задач: это анализ надписей в источниковедческом, историко-культурном и филологическом аспектах

Немаловажным представляется и выяснение взаимосвязи той или иной надписи или записи-граффити и предмета, памятника, на котором она высечена или нанесена. И поскольку в эпиграфических

* Недавно, одновременно с нашей диссертационной монографией "Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети)", вышла книга З.Н. Схиртладзе "Фресковые надписи Сабереоби" (Тбилиси, 1985, на груз. яз.), в которой представлены и армянские записи на фресках пещерного комплекса Сабереоби (с. 77 – 110).

памятниках фиксируются реалии из самых разных отраслей исторической действительности (политическая, социальная и экономическая, культурная и этническая история, административное деление, строительство и обновление памятников архитектуры, реалии частного характера и т.п.), то нам пришлось учесть достижения, источники и методику практически всех исторических дисциплин, оценивая каждое конкретное сообщение исследуемого нами эпиграфического материала, определяя его значимость в системе имеющихся в данном разделе науки сведений.

Стремясь полнее раскрыть содержание изучаемых надписей Картли и Кахети, мы сопоставили сведения эпиграфических текстов с сообщениями армянских, грузинских, греческих, персидских, турецких, латинских и других нарративных источников, колофонов рукописей, средневековых документов, путевых записей и разнородных архивных материалов. Это дало возможность поставить или решить ряд новых вопросов, пересмотреть отдельные принципиальные положения, считавшиеся давно установленными.

Наличие армянских надписей на памятниках Картли и Кахети вызвано тремя обстоятельствами: это либо результат существования поселений армян (армянской общины), либо свидетельство участия мастеров-армян в строительстве, либо же результат посещения армянами-пилигримами памятников грузинских культовых памятников. В самих надписях иногда содержатся сведения о том, откуда прибыли авторы граффити. Чтобы внести ясность в вопросы подобного характера, мы сочли нужным исследовать и историю тех поселений, памятников или предметов, где или на которых сохранились изучаемые надписи. Это привело нас к рассмотрению грузинских надписей в той мере, в какой в них содержались данные по указанным вопросам.

Диссертационная работа содержит полный свод армянской эпиграфики Картли и Кахети (материалы по г. Тбилиси выделены в отдельный выпуск издаваемой нами серии Armeno-Georgica) со дня их появления (УП в.) до 50-х гг. XIX в. включительно. Армянские или армяно-грузинские надписи второй половины XIX в., эпиграфии того же периода представлены лишь выборочно, а зачастую просто упомянуты.

Все цельные и относительно пространственные надписи воспроизводятся с сохранением разбивки на строки. Для документации текста

и прочтения работа снабжена фотокопиями надписей, за исключением отдельных, сравнительно поздних и не представляющих особого историко-эпиграфического интереса надписей (это прежде всего относится к записям пилигримов и поздним эпитафиям).

Ошибки, искажения, недосмотры, лакуны и т.д., попавшие в прежние издания, указываются в тех текстах, в окончательном и достоверном восстановлении которых у нас все же имеются сомнения или если на основании этих прочтений в свое время были сделаны существенные выводы.

Цели и задачи исследования. Приступая к осуществлению основных задач, определяемых самим названием нашей диссертационной работы — "Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети)", как было уже сказано, мы прежде всего старались выявить и представить в работе полный свод эпиграфического материала. И далее, мы стремились дать точное и документированное чтение текстов надписей.

Помимо публикации научно установленных текстов, в задачу диссертации входит также исследование проблем, связанных с историей тех населенных пунктов — городов и сел, административных единиц, регионов и отдельных памятников культовой архитектуры, где или на которых высекались изучаемые надписи. При этом мы сосредоточили свое внимание на решении следующих проблем:

1. Выяснение политических, экономических, этнокультурных обстоятельств переселения армян в Грузию, в частности в Картли и Кахети, внутримиграционных процессов, хронологии возникновения армянских поселений в крае.

2. Степень и формы участия пришельцев-армян в жизни принявшей их страны. Их занятия, этнокультурная и конфессиональная самобытность, общение переселенцев с коренным грузинским населением, его культурой и традициями. Периодичность переселения и роль новых потоков в сохранении культурной самобытности. Формы землепользования.

3. Реакция армян на политические, торговые, культурные и конфессиональные сношения грузинских царств и княжеств со странами Запада и Востока, степень их участия в них и истоки ориентации.

4. Очаги древнеармянской книжности в поселениях Картли и Кахети, культурная связь переселенцев с коренной Арменией. Культовые сооружения, культурные и конфессиональные взаимоотношения

армян и грузин в рамках изучаемых поселений и в стране в целом.

5. Направление потоков переселенцев, оседание их в городах и селах царского домена. Политическое и экономическое значение привлечения армян в центральные области страны. Позиция переселенцев во внутриклассовой борьбе. Защита грузинским государством политических, этнических и культурных стремлений армян.

6. Языковая ситуация в поселениях и ее отражение в надписях (фиксация живой разговорной речи, влияние грузинской среды, двуязычие или трехязычие в поселениях армян). Надписи как источник истории армянского литературного языка и исторической диалектологии.

Научная новизна исследования. Основная часть выдвинутых в диссертационной монографии проблем нова как для арменистики, так и для грузиноведения. Выше уже отмечалось, что эти проблемы не могли быть поставлены, а тем более решены без той суммы информации первоисточников, которая представлена в настоящем полном своде армянской эпиграфики Картли и Кахети. Если в специальной литературе и говорилось о присутствии армянского этнического элемента в указанных областях, то это касалось в основном крупных городов (Тбилиси, Гори, Телави), где, по ставшей традиционной интерпретации, они занимались торговлей и ремесленным производством. Литературные источники не дают нам даже приблизительного представления о времени, путях и причинах появления армян в Картли и Кахети. На основании лапидарных текстов и иных нововыявленных материалов (колофонов рукописей, путевых записей, посланий духовных предводителей, донесений посланцев и т.д.) нами установлено, что в отличие от относительно дальних стран в Грузию переселялись целые сельские общины (включая их духовных пастырей), которые, разумеется, не могли состоять из одних ремесленников и купцов. Доказательством правомерности такого заключения служат приведенные нами надписи на культовых сооружениях армян в сельских поселениях, где переселенцы занимались земледелием, скотоводством, т.е. тем же, чем занималось местное население. Мы располагаем прямым свидетельством о том, что вынужденное покинуть свою родину армянское крестьянство отправлялось "ради куска хлеба" и в Грузию, феодалы же (сипахи) находили пристанище в крупных городах соседних мусульманских государственных образований.

На материале эпиграфики нами установлено, что переселение происходило двумя способами — постепенной инфильтрацией и перемещением целых общин. Они обусловлены обстоятельствами, заставлявшими покидать родные края: в крупные грузинские города переселялись представители купечества и ремесленники, находившие здесь новые возможности для интенсивной деятельности, крестьянство же переселялось, спасаясь от физического уничтожения. Это происходило в периоды вторжения в Армению арабов, сельджуков, монголов, персов, турок. Правда, Грузия тоже не избежала этих вторжений, но она, к счастью, смогла сохранить государственность и царствующую династию Багратидов, которая организовала освободительную борьбу грузинского народа. Армяне были кровно заинтересованы в победе оружия протившей их страны.

В нашей работе приводятся данные, позволяющие установить те области исторической Армении, откуда происходило переселение армян в Грузию. В результате конкретных локализаций и хронологических определений нами опровергается все еще существующая концепция, согласно которой в большинстве своем нынешнее армянское грузиноязычное население Картли и Кахети стало "армянским" из-за приверженности к "григорианству" (т.е. монофизитству). Мы совершенно не исключаем возможности отдельных случаев арменизации грузин или картвелизации армян, однако этот процесс не был постоянно действующим фактором.

В работе прослеживаются все основные этапы истории изучаемых поселений, происходившие в них этнокультурные процессы, и на этой основе делаются аргументированные заключения. Выявленные нами материалы позволили констатировать, что в среде переселившихся в Грузию армян сохранился институт "паронтерства" (в церковники рукополагались феодалы, что давало им возможность пользоваться правом церковного иммунитета). Данный факт примечателен и с точки зрения правового статуса армянских общин, совершенно не изученного в специальной литературе. Сохранение социального положения, в том числе княжеского достоинства, может служить доказательством однородности структуры грузинского и армянского обществ. В монографии приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о толерантности грузинского государства и общества (даже ставшие государственными сановниками лица армянского происхождения продолжали придерживаться "григорианства", что собст-

венно и определяло их этнокультурную принадлежность).

Вопрос этнического состава городов Закавказья в средние века крайне плохо изучен. Имеющиеся в нарративных и документальных источниках сведения скудны и не позволяют проследить за происходившими здесь процессами. Это относится и к этнической статистике средневековой Грузии. В последнее время предпринимаются попытки изучения вопроса по XUI в., но сохранившиеся материалы по переписи населения Грузии данного периода не отличаются богатством данных. Наиболее достоверные сведения о присутствии инородных этнических единиц, их расселении и хронологии инфильтрации содержатся в эпиграфике, которая в имеющихся попытках исследования вопроса совершенно не учтена. Приводимые в нашей работе материалы существенно дополняют источниковую базу поставленной проблемы. Если до последнего времени единственным источником наших представлений об этническом составе отщипы Кахетинского царства Греми служили фрагментарные сообщения русских послов первых десятилетия XUI в., то теперь мы располагаем солидной суммой эпиграфических свидетельств с конкретными датами. Это относится и к другим поселениям Картли и Кахети, где присутствовали общины переселенцев-армян.

Анализ источников и современной исследовательской литературы показал, что история строительства и последующих обновлений некоторых важнейших архитектурных памятников Грузии изучена далеко не достаточно. Занимаясь критическим изданием высеченных на стенах этих сооружений армянских надписей, определяя их характер и устанавливая хронологические границы их появления, мы вновь обратились к существующим на разных языках первоисточникам, летописным и документальным свидетельствам, анализу языка эпиграфических текстов и т.д., чтобы точнее представить ту политическую и культурную ситуацию в стране, при которой стало возможным возведение этих высокохудожественных памятников грузинской архитектуры.

В отдельных принципиально важных вопросах (время строительства, возникновение архитектурного типа, состав ктиторов и строителей и т.д.) наши заключения существенно расходятся с традиционными представлениями, сложившимися на основе архитектурно-художественного анализа, однако без учета всей суммы имеющихся

сведений. В частности, завершение строительства храма Джвари мы датировем 40-ми гг. УП в. и к этому периоду относим армянскую редакцию строительной надписи на постаменте креста, впервые дешифрованную и опубликованную нами. Надпись архитектора Атенского Сиона мы убежденно относим к первому периоду строительства, т.е. ко второй половине УП в. или к самому началу УШ в. На наш взгляд, обе эти армянские надписи служат доказательством продолжавшегося интенсивного культурного общения грузин и армян после церковного раздела в начале УП в. В этом отношении наши заключения вполне созвучны положениям Н.Я.Марра и К.С.Кекелидзе. С помощью дешифровки и исследования армянских надписей Картли и Кахети датируются десятки памятников культовой архитектуры, не ставших еще предметом специального исследования. Свод памятников мемориального характера — "хачкаров" пополняется большим количеством новых и примечательных экземпляров, возникших в среде армянских поселений Грузии. Установлен случай, когда снабженный армянской надписью хачкар вделан в стену грузинского культового сооружения. Подобного рода факты ставят новые аспекты проблемы культурного родства армян и грузин в области средневекового декоративного искусства.

Памятники армянской эпиграфики Грузии УП — ХУШ вв. немало важны и с точки зрения исторической палеографии. Тут мы сталкиваемся с некоторыми фактами особенностей графем, которые пополняют наши представления о ходе развития армянского письма (Джвари, Атени). Надпись пилигрима конца X в. Герджиума на стене Атенского Сиона является одним из первых сохранившихся образцов армянского строчного письма. Надписи из Дирби и Набахтеви примечательны начертанием графем (округлость, извилистость и жирность "шрифта"). Все наблюдаемые особенности получают свою оценку в работе и сопоставляются с синхронным эпиграфическим материалом из самой Армении.

В диссертации надлежащее место отведено филологическому анализу текстов. Выявлены данные, говорящие о проникновении в литературный язык слов и форм из живой разговорной речи, и на этом основании делается заключение, что отдельные положения Н.Я.Марра и И.А.Орбели по лексике эпиграфики подлежат пересмотру. С точки зрения лексики особый интерес представляют дву-, трех- и четырехязычные тексты. В подобных случаях мы сосредото-

тачивали свое внимание на разборе терминологических аспектов. Упомянувшиеся нами наблюдения по истории армянского языка основываются на конкретном и, что особенно важно, в основном на датируемом эпиграфическом материале.

Практическое значение. Круг и характер рассматриваемых в диссертации проблем обусловлены отправным эпиграфическим материалом, содержащим сведения и реалии по разным вопросам истории стран средневекового Закавказья — Грузии, Армении и Албании. В центре внимания автора диссертации были прежде всего задачи историко-лингвистического порядка, разрешение которых способно создать базу для более углубленного и обстоятельного исследования ряда новых кавказоведческих проблем. Составленный нами полный свод армянской эпиграфики Картли и Кахети, впервые вводимые в научный оборот лапидарные тексты, колофоны рукописей, критический анализ ряда нарративных источников — все это, несомненно, будет учитываться при разработке соответствующих научных проблем и университетских курсов по источниковедению истории Армении, Грузии и Албании/Азербайджана, по истории армянских поселений в Грузии и этнического состава населения Картли и Кахети в средневековье. Содержащийся в монографии эпиграфический материал может быть использован также специалистами по истории архитектуры и искусства средневекового Закавказья, исследователями очагов книжности и конфессиональных проблем, вопросов армяно-грузино-албанских контактных зон, лингвистами, этнографами, палеографами, специалистами топонимики и ономастики стран Закавказья. Результаты наших разысканий, некоторые общетеоретические положения могут найти применение при составлении общих курсов по региональной истории Закавказья.

Представленные в нашей работе надписи будут включены в очередной выпуск многотомного "Свода армянских надписей". Можно полагать, что изданные и исследованные нами надписи войдут также в свод иноязычной эпиграфики Грузии.

Наконец, исследователи и пропагандисты истории дружбы и сотрудничества народов Закавказья, их литературных и культурных взаимоотношений найдут в настоящей работе множество фактов, сведений и интерпретаций, иллюстрирующих общность исторических судеб и возникшее на этой основе сродство культур.

Апробация работы. Диссертация издана в виде отдельной книги

(Изд-во АН АрмССР, Ереван, 1985). На это издание опубликованы положительные рецензии ("Историко-филологический журнал", 1985, № 2, с. 243 - 245; "Тркери ашхар", 1985, № 3, с. 6). Отдельные главы монографии печатались в академической периодике ("Вестник общественных наук АН АрмССР", 1968, № 2, с. 55 - 80; "Историко-филологический журнал", 1979, № 3, с. 214 - 223; 1981, № 4, с. 210 - 226) и были переведены на французский язык (Revue des Etudes Arméniennes, т. V, Париж, 1968, с. 109 - 139; т. VI, 1969, с. 393 - 411). Материалы диссертации использованы автором в многочисленных публикациях на армянском, русском и французском языках: "Грузинокская эпиграфика Армении" (Ереван, 1977, на арм. и русск. яз.); "Культурная деятельность армян-халкедонитов в XI-XIII вв. (Ереван, 1978, на русск. и франц. яз.); "Строительство и освящение культовых сооружений по армянским источникам". - "Научные сообщения Гос. музея искусства народов Востока" (М., 1978, с. 127 - 137); "Источниковедческая характеристика "Синодика" Санаинского монастыря". - "Кавказ и Византия", вып. 2 (Ереван, 1980, с. 73 - 80); "К критике и интерпретации грузинской эпиграфики Армении". - "Вестник" (Мацне) АН ГрузССР, серия языка и лит. (Тбилиси, 1981, № 3, с. 174 - 181); "Принципы классификации книги в средневековой Армении". - "Русская и армянская средневековые литературы" (Л., 1982, с. 164 - 172); "Новое в кавказском культурном мире в XI - XIII вв.". - "Кавказ и Византия", вып. 4 (Ереван, 1984, с. 142 - 158).

В отечественной и зарубежной кавказоведческой литературе имеются многочисленные рецензии и многократные ссылки на эти публикации, а также отдельные статьи и отклики дискуссионного порядка.

По вопросам, затронутым в диссертации, автором прочитаны несколько докладов и сообщений на ряде республиканских, всесоюзных и международных симпозиумов, конференций, научных сессий.

Диссертация обсуждалась на совместном заседании отделов Древнего Востока и Кавказоведения и византистики Института востоковедения АН АрмССР, на заседании Отдела средневековой истории Института истории АН АрмССР.

По рекомендации ученого совета Института востоковедения АН АрмССР и научно-методического совета Главного управления по охране и использованию памятников истории и культуры при Совете

Министров АрмССР одана в печать монография, представляющая продолжение диссертационного исследования, - "Армянская эпиграфика Грузии (Тбилиси)" (18 п.л.).

Структура работы. Исходя из специфики рассматриваемого в диссертации эпиграфического материала и характера обсуждаемых в ней проблем, в основу работы положен географический принцип, а внутри каждого раздела (их в диссертации восемнадцать) содержится проблемно-хронологический анализ. Сначала представлены поселения Картли по левобережью и правобережью Куры (вверх по течению), затем Верхней Картли и, наконец, Кахети. В отдельных случаях, если это позволял географический, хронологический и тематический характер материала, в один раздел были включены памятники эпиграфики из близлежащих поселений. Города, поселения и памятники архитектуры, доминирующие в регионе в политическом, этническом и культурном отношении, представлены отдельно, независимо от количества и характера имеющихся там надписей.

Общий объем диссертационной монографии - 21,75 п.л. Основной текст сопровождается библиографией использованных первоисточников и литературы (с. 199 - 214), указателями имен и географических названий (с. 215 - 227) и таблицами фотокопий (26 л.).

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В "Предисловии" (с. 5 - 13) раскрывается актуальность исследуемой темы: это делается в связи с задачами отечественного кавказоведения по созданию сводов разноязычных эпиграфических первоисточников и их монографического исследования. Обращаясь к существующим публикациям по материалам армянской эпиграфики Грузии в целом, мы даем краткую характеристику целей и методов их реализации.

Достижения арменистики и грузиноведения в области медиэвистики, критические издания нарративных и документальных первоисточников, появление многотомных обобщающих трудов по истории народов Закавказья и ряд других обстоятельств ныне создали прочную научную основу для составления полных сводов надписей и их исследования с точки зрения проблем политической, экономической, этнической и культурной истории региона. Во вступительной части диссертации указываются те основные проблемы, решение которых

ставится в зависимость от изучаемого эпиграфического материала, уточняются и формулируются принципы и методы чтения или дешифровки, перевода и источниковедческого анализа лапидарных текстов.

МЦХЕТА (с. 14 - 42). По нарративным источникам давно известно, что, помимо основной массы жителей - грузин, в рамках "Великой Мцхета" имелись и инородные общины: греческая, иудейская, персидская и т.д. Что касается армянской общины, то в этих источниках прямых указаний на наличие таковой в Мцхета нет. Однако сведения об Иове Армянине и беседе Нино с выходцем из окрестностей Мцхета, говорившим по-армянски, и другие косвенные свидетельства подобного характера позволяют думать, что если не целая община, то отдельные армяне в Мцхета имелись, местные же святыни столь часто посещались армянами, что этот факт упоминался неоднократно в переписке начала УП в. Более того, в ответном послании католикоса Кириона Сумбату Багратаду, марзпану Гирканскому, есть указание на то, что последний родился, вырос и "достиг добра" перед крестом Мцхетским, т.е. в гор. Мцхета. Отсюда следует, возможно, что при неизвестных обстоятельствах эта княжеская армянская семья обосновалась в Мцхета. О немногочисленности армян в Мцхета свидетельствует, пожалуй, и то, что они вовсе не упоминаются в "Мученичестве Евстатия Мцхетского", хотя там и говорится об иудеях, персах и сирийцах. Впрочем, с другой стороны, в глазах единоверного с армянами автора-грузина армянская община ничем не отличалась от грузинской, поэтому и упоминать ее в агнографическом сочинении не было особой необходимостью.

В 1938 г. при разборе позднейшей алтарной преграды храма Джвари был обнаружен каменный постамент Креста Мцхетского, снабженный грузинской и армянской надписями. Грузинская надпись издавалась неоднократно, армянская же была впервые прочитана и опубликована нами в 1968 г. Изучение ее текста имеет немаловажное значение как для истории возведения храма, так и для истории армяно-грузинских историко-культурных взаимоотношений.

Надпись плохой сохранности: отбиты вся верхняя, а также правая угловая части, поэтому чтение связано с определенными трудностями - текст нуждается в восстановлении. В ходе работы было выяснено, что армянский текст является повторением грузинской надписи с сокращенной передачей ее начальной части, ныне отбитой

(ср. груз. "Г... в моле/ние за Степаноза патрикия, Деметре ипатия, Адрнерсе ипатия, в заступничество их душам и телу и в покровительство всего рода", арм. "...во спасение Г.../а, а также в память душам рода/родичей"). Мы приходим к заключению, что на боковой грани постамента налицо армянская редакция грузинской ктиторской надписи, высеченная одновременно с ней. Для определения хронологических рамок появления интересующей нас надписи и установления ее значения для истории храма Джвари и смежных вопросов нами было проведено сводное критическое исследование всех видов грузинских, греческих и армянских источников, повествующих о событиях в Грузии и сопредельных странах в первые десятилетия УП в. В итоге было выяснено, что

а) Джвари построен не в 586/7 - 604/5 гг., как это принято считать в литературе, а несколько позже. Памятник заложен в последние годы правления Степаноза I, им самим и его братом Деметре не ранее первого пятилетия УП в. Начатое строительство было приостановлено в годы персидского владычества и возобновлено после нашествия императора Ираклия в 626/7 г.

б) Завершение памятника имело место до 642 г., при правителе Адрнерсе.

в) Армянская надпись, как и ктиторская грузинская, на постаменте креста была высечена по завершении всего памятника, т.е. не ранее 30-х и не позднее 40-х гг. УП в.

В переписке 607/8 гг., содержащейся в "Книге посланий", неоднократно говорится о Мцхетском кресте, к которому обращались как грузины, так и армяне. Это было настолько значительным обстоятельством, что католикос Авраам в своем циркулярном послании (608/9 г.) считает необходимым специально предупредить паломников-армян не делать этого в дальнейшем. Однако послание католикоса, как и следовало ожидать, не могло привести к прекращению этой практики: армяно-грузинские отношения имели вековую традицию и были продиктованы самой жизнью. Армянская надпись на постаменте креста, высеченная после церковного разрыва, является доказательством посещаемости этого места армянами и в дальнейшем, больше всего, естественно, армянами-халкедонитами. Однако наличие надписи объясняется не только "международностью" святыни. В конце армянской редакции текста в два раза крупнее остальных графем высечена буква Պ (T^c), под которой, должно быть, скрыва-

ется имя человека, имеющего отношение к строительству. Этот вопрос рассматривается нами в контексте анализа всей совокупности армянских каменотесных знаков и графемных пометок. Выясняется, что в строительстве Джвари принимали участие свыше 9 - 10 мастеров-армян, один из которых, чья монограмма стоит на постаменте, видимо, обладал соответствующей привилегией, санкционированной ктиторами.

Положение армянской церкви в системе церковной организации стран Закавказья до начала УП в., родство вкусов и устремлений, общая направленность культурной жизни народов Закавказья, сложившиеся в процессе долгой и общей исторической действительности, значительно расширили ареал употребления армянского языка. Определенная часть духовенства региона понимала его, следовательно, армянская надпись храма Джвари, наряду с грузинской, могла функционировать и на уровне ктиторской записи. Но, вместе с тем, эта надпись никак не может служить доказательством существования армянской общины в Мцхета в УП в., ибо она по существу пересказывает содержание грузинской ктиторской. К тому же не обязательно, чтобы участвовавшие в строительстве Джвари мастера, пометки которых сохранились на стенах храма, были местными жителями. Чаще все они переходили с одного места на другое.

В разноязычных источниках УШ - ХУШ вв. нет сведений об армянах в Мцхета. Надо полагать, что такое молчание вызвано действительным отсутствием общины, хотя отдельные семьи, возможно, здесь и были. Армянское население Мцхета заметно увеличилось во второй половине ХУШ в. и в начале ХІХ в. При Ираклии II наступили сравнительно мирные времена, и города Картли и Кахети стали сравнительно мирными центрами ремесла и торговли. Армяне, воодушевленные идеей создания грузино-армянского царства во главе с Ираклием и теснимые турецкими и персидскими поработителями у себя на родине, охотно переселялись во владения Ираклия. В сентябре 1848 г. в Мцхета побывал М.-Ф.Броссе, согласно сообщению которого, в городе было 80 домов грузин и 40 домов армян (это после нашествия Аги-Мухаммад-хана!). Спустя три года в Мцхета была построена армянская церковь св. Богородицы. Она не сохранилась, но уцелела плита с двуязычной строительной надписью, которая, как и надписи из близлежащих сел (Ничбиси, Дигоми, Лиси, Клдани), приводится в нашей работе. Они интересны с точки зрения изучения

так называемой малой миграции населения в рамках одной или нескольких сопредельных провинций.

Археологическое исследование древней и средневековой Мцхета продолжается и можно надеяться, что будут выявлены материалы и по этнической истории города.

МУХРАНИ (с. 43 - 49). Близость к административно-духовному центру страны и выгодное географическое положение во многом предопределили значение Мухрани в политической и хозяйственной жизни Картли. До ХІУ в. включительно Мухрани и окрестности являлись частью царского домена, однако в 60-х гг. ХУ в. в жизни Грузии произошли события, в корне изменившие и статус Мухрани. В 1466 г. перестало существовать единое грузинское царство, и в стране возникло несколько новых административно-политических образований - царств и княжеств со сложными взаимоотношениями, еще больше осложнившимися под влиянием внешнеполитических факторов. Наряду с Картлийским, Кахетинским и Имеретинским царствами в полусамостоятельную единицу выделились и некоторые княжества, в том числе "княжество Мухрана" - "Самухранбатон". Однако в отличие от остальных удельных правителей владельцы Мухрани политически были связаны с Картли, а порой занимали нейтральную позицию в соперничестве и столкновениях царей Картли и Кахети, как это было, к примеру, в 1520 г. Все это, разумеется, было результатом политического и экономического распада страны. Немаловажную роль здесь играли и внешнеполитические обстоятельства. Практически невозможно было одновременно бороться и против внешнего врага, и обуздывать центробежные устремления крупных феодалов. Доведя страну до крайней нищеты, турки в 1735 г. ушли, но и сменявшие их персы-кзылбаши отнюдь не принесли с собой благоденствия. До 1747 г. продолжались набеги "лаков" (дагестанцев), а жестокость местных феодалов иногда приводила к истреблению отдельных картлийских поселений (часть без- или малоземельных крестьян становилась чужаком - "хизанами" и "богано"). По свидетельству грузинских нарративных и эпиграфических источников (Вахушти, П.Орбелиани, надпись Константина Мухранбатони от 1756 г.), коренное население Мухрани и некоторых близлежащих поселений поредело. Именно при таких обстоятельствах происходило заселение картлийских сел, в том числе Мухрани, переселенцами-армянами. По данным армянской эпиграфики, к концу ХУІ в. в Мухрани уже существовала армянская

община, на что указывает надпись на хачкаре, вделанном в стену церкви св. Григория Просветителя. В 40-е гг. XIII в. она пополнилась новым потоком из Северной Армении, о чем свидетельствует современник и очевидец событий П. Орбелиани. Не случайно, что именно к этому периоду восходит армянская надпись на хачкаре купольной церкви с. Вазиани близ Мухрани. Более просторная двуязычная строительная надпись от 1843 г. говорит о том, что переселенцы сохранили свою этнокультурную и конфессиональную самобытность. В самой надписи отмечается, что строительство предпринято "благодаря содействию всему нашему роду (т.е. армянскому. - П.М.) мухран-паронов Багратуни/Багратиони".

КАНДА (с. 50 - 55). В дарственной грамоте ксанского эристава Шалвы Квенигневели от 1470 г. говорится, что "из нашей же вотчины мною не убавлен ни один глехи: всех людей привел я из других мест и тем возобновил пустые деревни". Располагая таким прямым свидетельством, мы вправе предположить, что под "другими местами" подразумеваются и некоторые армянские провинции. Такая интерпретация оказалась правомерной благодаря прочитанной нами армянской строительной надписи от 1471 г. К тому же выяснилось, что обосновавшиеся в Канде переселенцы поддерживали контакты с соотечественниками в других поселениях Картли. В этом отношении примечателен вводимый нами в научный оборот колофон от 1584 г., в котором имеются на редкость важные сведения о борьбе царя Симеона против "хондкарцев" (турок). Рукопись была отправлена в Канду "на доброе пользование племяннику архиепископа Хачатура", родным краем которого является Мухрани. "Паронтерство" Хачатура говорит о том, что социальная неоднородность переселенцев за сто лет еще больше углубилась. Этот архиепископ является монашествующим феодалом.

КАВТИСХЕВИ (с. 56 - 62). Наличие достаточно большого количества документов, относящихся к Кавтисхеви, служит подтверждением тому, что поселению придавалось важное значение. Это можно объяснить прежде всего его экономической и военно-политической значимостью (деревня была кратчайшим путем связана с Нижней Картли и окружена поселениями "сахасо"). Не случайно, что в период пребывания царя Симеона в плену у персов царская семья находилась в Кавтисхеви, ибо верность кавтисхевцев Симеону не была поколеблена. Деревня была довольно многолюдной, почему и здесь од-

новременно назначалось несколько должностных лиц - моурав, мамасакхлиси, касадар, мествле, каждому из которых полагалась соответствующая подать от крестьян.

В одном из кварталов деревни, по сей день называемом армянским, сохранились две церкви: одна довольно большая и интересная в архитектурном отношении, с притворами, другая - кладбищенская. Первая снабжена надписью на хачкаре, датированной 1593 г., другая - строительной надписью от 1595 г. Судя по ономастическому материалу строителями выступают светские представители общины. Привлечение новых поселенцев, их закрепление в деревнях царского домена отражало политику грузинского государства и их стремление к налаживанию экономической жизни страны. К сожалению, армянские надписи Кавтисхеви так же, как и кандийская надпись, не содержат информации об обстоятельствах заселения. Разумеется, пришельцы не могли иметь наследственных владений (мквидри), приобретение же земли путем купли (наскиди) едва ли было им доступно. В 1581 году царь Симеон освободил кавтисхевцев от податей, а это значит, земли у здешних поселенцев не были "наскиди", ибо таковые податью не облагались. Скорее всего, земля была предоставлена им во временное пользование ("чера", "рчома"), но на какой срок и на каких началах - установить невозможно. В условиях, когда велась ожесточенная борьба то с персами, то с турками, а временами и с отдельными представителями местных ренегатов, распад хозяйства был неминуем, и временное землепользование больше всего соответствовало интересам землевладельцев, в конкретной обстановке - самого царского двора.

УПЛИСЦИХЕ - КВАХУРЕЛИ (с. 63 - 78). О событиях, происходивших в центральной части Картли, в первые десятилетия X в., рассказывают Иоанн Драсханакерци и "Летопись Картли". В этот период на крепость Уплисцихе и ее окрестности притязал царь Сумбат Багратид. Добившись военного успеха, он осуществлял контроль над областью посредством назначенных им краедержцев, поэтому в Картли, в том числе и Уплисцихе, должны были присутствовать представители армянской родовой знати, а это обстоятельство, несомненно, способствовало инфильтрации армянского этнического элемента в стратегически важные центры области. Не случайно, что автор армянской надписи из Атени Герджиум нашел нужным датировать свое посещение взятием Уплисцихе Багратом III. Имеющиеся источники сви-

детельствуют о наличии здесь армянской общины с XIV в. Согласно колофону одной армянской рукописи, сунийский князь Сумбат, потерпев поражение от Кара-Юсуфа, лишился своих владений и в 1410 г. нашел убежище в Уплисцихе. К тому времени здесь функционировал скрипторий при обители св. Богородицы, которую следует идентифицировать с церковью, ныне называемой местными армянами "Астуца-мен". Именно к этой церкви была пристроена часовня, строительная надпись которой датирована 1585 г. М. Броссе застал и описал построенную армянами церковь св. Ишана, фрагменты надписей которой сохранились и приводятся в нашей работе. Армянские записи оказались и в пещерном "зале царицы Тамар". В одной из них (от 1652 года) говорится о какой-то эпидемии, в результате которой погибли многие жители Уплисцихе.

Необходимость ежедневно переправляться на другой берег Куры заставила квахурельцев вырубить в скале собственный Сурп-Ишан, состоящий из нескольких помещений разного назначения. Вся восточная стена галереи базиличной пещерной церкви покрыта вырубленными в скале хачкарами в один, а местами и в два ряда. На нескольких из них нижняя часть отведена поминальному тексту. Очевидно, хачкары вырублены по замыслу архитектора по завершении основных работ под землей, в ед. ной манере, надписи же высекались тогда, когда находился соответствующий вкладчик.

Имеющиеся надписи, тексты которых читаются и публикуются впервые, восходят к второй декаде XVII в. Допустимо полагать, что строительные работы начались в конце 90-х гг. XVII в. и были завершены к 1616 г., когда можно было позаботиться о декорировке галереи. Галерея была украшена хачкарами, как было сказано, именно в процессе строительства комплекса, а следовательно, и упоминаемые в надписях лица своими вкладами сделали участниками строительства.

Поселение Квахурели считалось важным пунктом во Внутренней Картли прежде всего в стратегическом и административном отношении. Не случайно, что куропалат Давид в конце X в. расположился лагерем именно на подступах к нему, дабы получить Уплисцихе, а Баграт IV в период переговоров с Алп-Арсланом и Кюрике находился в Квахурели, откуда он следил за развитием событий как в самой Картли, так и в сопредельных краях.

ГОРЯ (с. 79 - 90). О времени образования армянского поселе-

ния в центре Внутренней Картли, в Гори, мы располагаем редким по конкретности свидетельством М. Урхаеца: "И был Давид (Строитель. - П.М.) царем святым и добронравным, украшенным всем благочестием и доброй праведностью; и он оказался приемлимым и любящим род армянский. Вокруг него собрались оставшиеся армянские войска, он же построил город армян в стране Грузинской, создав множество церквей и монастырей, и дал имя городу Гора. И поддерживал он весь род армянский с великой радостью и ликованием".

Основание новых городов было вызвано заинтересованностью объединенного грузинского царства в экономическом развитии страны, тем более, что в большинстве своем они входили в царский домен и служили опорой при подчинении стремившихся к самостоятельности крупных феодалов. Кроме Гори, в XI - XII вв. возникли города Атени, Жинвани, Баралети, Сурами, Али, Зоврети. Примечательно, что во многих из этих городов среди "городского люда" - "калакис эри" - вскоре оказались армяне. Этот факт находит объяснение в самом характере и назначении вновь основанного города, население которого состояло в основном из купцов и ремесленников и не являлось однородным ни экономически, ни социально. Обстоятельства часто вынуждали армян переселяться и в другие страны, но, как правило, общинами, поэтому нет основания полагать, что в Гори могли оказаться лишь торговцы, как традиционно представляют некоторые исследователи. На это указывают также материалы по истории населения Гори и последующего времени. Этот тезис подтверждается и присутствием армян в селах Картли, в том числе и в окружении Гори.

В существующих источниках упоминаются две армянские церкви в Гори: св. Богородицы и св. Стефана. Обе они принадлежали епархии Ахпата, а первая из них была резиденцией духовного надзирателя. Об этих культовых сооружениях имеются сведения в докладных записках католических миссионеров XVII в. (Авитабиле, Кастелли). Уцелела и дошла до нас надпись наличника церкви Богородицы, датированная 1661 г. Колофоны созданных в Гори армянских рукописей позволяют проследить некоторые этапы истории города и содержат множество интересных сведений о культурной деятельности горийских армян. Надпись церкви св. Стефана сохранилась в копии Л.М. Меликоет-Бека. Она восходит к 1708 г. и относится к периоду обновления храма.

В данной работе на основе сводного изучения разнородных источников выясняется, что армянская община Гори проявляла активность во всех сферах жизни города и страны: она противостояла пропаганде католических миссионеров, отказывалась отправлять в качестве дани в Иран молодых людей и т.д. Представители этой общины находились на службе картлийских царей и играли немаловажную роль в дипломатических сношениях то с Ираном, то с Россией (Горгиджанидзе, Пешанг).

С конца ХУ в. часть армянской общины Гори становится грузиноязычной, и в результате здесь уже возникает насущная необходимость перевода ряда сочинений армянских авторов на грузинский язык. В этом отношении особенно примечательным представляется творчество Георга Горийца, архимандрита в обители Варак.

Из близлежащих сел, в которых имелось армянское население, только в Гориджвари сохранилась надпись, повествующая о строительстве церкви Джалапом в 1491 г.

АТЕНИ (с. 93 - II2). По богатству эпиграфического материала храм в Аteni занимает исключительное место. Наряду с грузинскими, здесь имеются надписи и на других языках - греческом, арабском, сирийском и армянском. По количеству следующее место после грузинских надписей занимают армянские. Если исходить из содержания текстов последних и из их назначения, то памятники армянской эпиграфики можно сгруппировать следующим образом:

1. Строительная надпись Тодосака.
2. Надписи, сопровождающие скульптурные рельефы, имена мастеров, пометки и отдельные графемы.
3. Надписи пилигримов.

Надпись Тодосака издавалась неоднократно. Полностью уточненное чтение дано Л.М.Маликсет-Беком. Текст гласит: "Я, Тодосак, строитель этой св. церкви". До последнего времени никто из исследователей не сомневался, что в ней речь идет о подлинном и изначальном строительстве храма, и поскольку историки архитектуры относят памятник к УП в., то правомерным было заключение о том, что надпись также восходит к этому периоду. Однако выявленная Г.Абрамишвили грузинская транслитерация армянского текста и предлагаемый З.Алексидзе корректив поставили под сомнение эту традиционную датировку, отнеся надпись ко второму периоду строительства - не ранее X в. Мы доказываем, что ошибки и расхождения в грузин-

ской транслитерации надписи Тодосака никоим образом не могут служить подспорьем для датировки армянского текста, ибо она возникла гораздо позже и в совершенно иной обстановке, предлагаемый же З.Алексидзе корректив не реален и не учитывает хронологию имеющихся аналогий. Надпись архитектора храма Тодосака датируется второй половиной УП в. или самым началом УШ в. (до 711 г.). Ктитор Сиона Нерсе Великий был крупным политическим деятелем не только Картли, но и отчасти Армении; именно по его инициативе Григорий Дзорапореци перевел с греческого на армянский язык "Житие Сильвестра". Следовательно, появление строительной надписи на армянском языке вполне вписывается в контекст культурной обстановки в крае.

Вторая группа армянских надписей - пометки и автографы мастеров-сподвижников Тодосака - датируется тем же периодом, что и надпись архитектора храма. По ним определяется хронология создания нескольких скульптурных изображений.

Из третьей группы памятников армянской эпиграфики - надписей пилигримов - особенно примечательна запись Герджиума сына Ерхасана: "Сие [написал] я - Герджиум сын Ерхасана. Кто прочтет это - в то лето, когда царь абхазов Баграт заставил царя грузинскую отстать [от сговора], а в следующий год занял Уплисхихе, дабы...". Речь идет о царе Баграте III и его матери Гурандухт. Надпись значительно дополняет и конкретизирует сведения "Летописи Картли" о политических событиях между 982 - 986 гг., когда Баграт и его мать находились в разных, противоположных политических лагерях: мать поддерживала азнауров Картли, выступавших против Баграта в его политике создания объединенного грузинского царства. Автор надписи был современником и очевидцем упоминаемых в тексте событий, поэтому его сообщения заслуживают большего доверия.

Этот текст вносит значительные дополнения в наши представления и о датировке, ареале и тенденциях развития среднеармянского языка. В этом отношении надпись имеет аналогии в армянских записях грузинских рукописей X в., созданных, разумеется, в грузинской среде.

Остальные надписи на армянском языке свидетельствуют о длительном интересе выходцев из армянских поселений Грузии к этому замечательному памятнику грузинской раннесредневековой архитектуры.

С точки зрения политической, административной и экономической истории Картли надписи Сиона вполне достойны называться исторической хроникой, составленной представителями десятков поколений.

ВАКА (с. II3 – II8). Очередной поток переселенцев-армян нашел пристанище в районах западнее Гори – в ущелье р. Али. Когда именно они оказались в с. Вака, мы не знаем, но имеющиеся источники лишь позволяют констатировать их присутствие. Из колофона рукописи от 1641 г. становится известным, что родоначальник ктиторов церкви Богородицы с. Вака Шаншеан, "из армянского княжеского рода", поселился здесь не ранее XVI в. Его потомки служили из поколения в поколение "мдиванами" картлийских царей, сохраняя княжеское (тавади) достоинство до конца XVIII в. Кроме государственной службы, Сулхан I и Бегтабег I трудились на поприще грузинской литературы, будучи незаурядными поэтами. В 1680 г. "мдиван" царя Георгия XI Бегтабег по поручению своего владыки скопировал одну из лучших рукописей поэмы Руставели.

В одной из двух строительно-го характера надписей церкви св. Богородицы говорится об украшении "церкви достойной ей утварью" Автандилом Шаншеаном-Мартирозшвили, его супругой Марией и сыном, а в другой (находится правее первой) – о строительстве двух "жаматунов" (притворов). Сооружение представляет собой комплекс разнородных по назначению помещений, сочетавших как "жилое" отделение, так и молельню, усыпальницу и даже крепостцу. В притворе водружены два снабженных армянской надписью качкара, созданные, согласно записи мастера Астуацатура, в 1754 г. В существующих сводах качкаров эти памятники из Вака не учтены. Они продолжают традиции классического типа и как таковые могут считаться одними из лучших образцов. В специальных исследованиях об архитекторах и мастерах резьбы по камню автор этих памятников Астуацатур не представлен.

• **НАБАХТЕВИ** (с. II9 – I2I). Согласно данным, содержащимся в древнегрузинских документах, с. Набахтеви также входило в царский домен. В 1609 г. Луарсаб II пожаловал его Г. Саакадзе, но после того, как прославленный воевода вынужден был покинуть родину, царь отобрал его именья, в том числе и Набахтеви. Вскоре село оказалось в числе именья рода Бегтабеговых. В конце XV и начале XVI в. в Набахтеви, как и в Норешене и некоторых других селах,

обосновались переселенцы-армяне. В селе сохранилась армянская надпись, высеченная на наличнике церкви. В ней говорится: "Я, священник Овасап, водрузил этот крест в память деда моего священника Иоаннэса. В лето 1509". Надо полагать, что переселенцы обновили к тому времени существующую церковь и снабдили ее приведенной надписью. Последняя оригинальна своей палеографической характеристикой, значительно отличающей ее от остальных армянских надписей Картли. К сожалению, поиски аналогов в эпиграфике Армении пока не дали результатов, что могло бы указать на район, откуда переселились набахтевские армяне.

АЛИ (с. I22 – I26). В период монгольских нашествий в городской жизни Грузии, как и всего Закавказья, происходили существенные изменения и перестановки, вследствие чего некоторые города (Одзрхе, Тмогви, Самшвилде, Дманиси, Живани, Рустави, Уплисцихе, Хунани и т.д.) перестали быть значительными административно-экономическими центрами.

Переселившись в новые поселения, выходя из крупных городов, прежде всего купечество и ремесленники, образовывали общины, воспроизводя на новых местах как бы в миниатюре структуру и хозяйственную деятельность бывшего места жительства. Нужно полагать, что и социальный состав новосозданных городов существенно не отличался от прежних, с той лишь оговоркой, что часть "городского люда", в основном занятая обработкой земли и торговлей сельскохозяйственной продукцией, теперь могла оказаться за пределами собственно города. Находясь между городами Тбилиси и Кутаиси, г. Али интенсивно сообщался как с западной, так и восточной частями страны. Полагают, что здесь находилось "сабажо" – место сбора пошлины за ввозимые и вывозимые товары. Тот факт, что в Али (как и в Сурами, Сазовре) нашли пристанище переселенцы-армяне если не с самого начала их основания, то по крайней мере с XIII в., может служить доказательством стремления правителей Грузии сделать эти города доходными очагами ремесла и торговли. Если полагать, что все это происходило приблизительно так, как имело место при поселении армян в Гори и Ахалкалаки (Мепис-калаки), то и тут вслед за поселением была проявлена забота о строительстве культовых сооружений. В организации городской жизни средневековья этот момент нужно считать достаточно важным. Следы армянской эпиграфики сохранились только на одной из нескольких церквей г. Али, а имен-

но, на церкви св. Архангелов. В этом трехнефном базиличном сооружении в качестве стены крещальни водружен хачкар, снабженный армянской надписью, но она крайне плохой сохранности и мало информативна. У армян Али сохранилась легенда, согласно которой они являются выходцами из Ани, хотя подобного содержания предания бытовали среди армян и в других странах. Можно с уверенностью сказать лишь о том, что алийские жители поддерживали связь с культурными и торговыми центрами Армении ХУП – ХУШ вв., о чем свидетельствует армянская поминальная надпись на стене обители св. Стефана в Джуге.

ДИРБИ (с. 127 – 131). Два снабженных армянскими надписями хачкара вделаны в стены расположенных у крепости церквей. Выполнены они в единой манере и принадлежат одному и тому же мастеру. Один из них датирован 1456 г., другой – 1468-ым. Назначение хачкаров разное – на первом помещена строительная надпись культового сооружения, второй же снабжен поминальной надписью не известного по другим источникам деканоза-канделапта Нерсе. Исследование терминов "деканоз" и "натоп" позволяет выявить их исконно армянские соответствия и на этой основе определить функции занимавшего эту должность лица. Делается заключение, что армяне Дирби интенсивно общались как с грузинским населением, свидетельством чего являются приведенные в надписи антропонимы, так и с армянами из близлежащих поселений – Бредза, Атоци, Али, Набахтеви, Цхинвали и т.д.

Северные районы Верхней Картли приобрели особое значение в грузинском феодальном обществе с тех пор, как постепенно на юг стали спускаться северокавказские племена. Тот факт, что Цхинвали и Тамарашени были населены как грузинами, так и армянами и иудеями, переселенными или привлеченными сюда из низменных областей страны, достаточно определенно свидетельствует о заинтересованности Грузии в развитии и укреплении края. В работе сведены данные первоисточников по истории армянской общины в Цхинвали (с. 132 – 135).

АХАЛГОРИ (с. 136 – 143). Основанием новых поселений в зоне средних течений рек Ксани, Лехура и Меджуда ксанские эриставы старались упрочить свои влажные позиции. Не случайно, что топонимы типа Ахалубани, Ахалдаба, Ахалгори мы встречаем именно в данной зоне. Первые упоминания поселения Ахалгори восходят к ХУІ в. По-

сле превращения эриставства из военно-административной единицы в феодальную сеньорию – сатавадо – Ахалгори стал резиденцией ксанских эриставов. В литературе отмечено, что перенос резиденции из Квенипневи был обусловлен административно-экономическими соображениями. Относительно времени переселения армян в Ахалгори высказывались разные предположения (С.Макалатия, Дж.Гвасалия, А.Абдаладзе, Г.Джалабадзе). Однако ими не учитывались данные армянских источников – колофоносов рукописей и памятников эпиграфики в Ахалгори. На западной стене церкви Богородицы имеются хачкары и плиты, снабженные надписями. В одной из надписей говорится об обновлении церкви неким Хаджайтуром в 1462 г. Следовательно, заселение Ахалгори армянами имело место не во второй половине ХУП века, как было принято считать в литературе, а не позже первой половины ХУ в. За период между 1462 и 1643 гг. армянами было построено еще несколько церквей – св. Архангелов, Якова, Григория Просветителя. Судя по сообщению писца рукописи 1631 г. (Мат., рук. № 4642), члены армянской общины города содействовали налаживанию культурной жизни.

Независимо от характера рукописных книг, армянский скрипторий в Ахалгори оказался довольно продуктивным и внес свою лепту в армянскую культуру. Появление писцов-профессионалов, миниатюристов или других деятелей позднесредневековой культуры в Ахалгори никак нельзя считать случайным явлением. Сами представители эриставского рода проявляли традиционный интерес к литературе. По их инициативе в Ахалгори было составлено или скопировано немало грузинских рукописных книг.

Если провести сравнение с остальными "малыми городами" Картли, то Ахалгори является малым городом средней величины. Однако по количеству "богано" и "хизанов" он превосходит другие малые города Восточной Грузии. В 80-е гг. ХУШ в. в Ахалгори побывал Райнегс, заметивший, что "этот малый город также населен христианами-армянами, которые, почти все, занимаются прядильным ремеслом хлопка и льна. Они в основном готовят разнообразные хлопчатые ткани и полотенца".

На надгробиях двух-трех здешних кладбищ сохранилось множество эпитафий, высеченных в основном на грузинском и несколько на армянском языках. В них содержится интересный материал по этнокультурной и социальной истории Ахалгори в ХІХ в.

АНАНУРИ (с. 144 - 152). В период феодальной раздробленности Грузии города Ананури и Душети принадлежали арагвским эристам, в разное время будучи резиденциями владетеля края. Они были укрепленными пунктами, защищая край от частых набегов с севера. К 80-м гг. ХУП в. имеющиеся в Ананури церкви "Мкурнали" и "Гвтаеба" перестали соответствовать возросшей политической самостоятельности и экономической мощи феодального дома, и сын эристава мдиванбег Бардзим приступил к строительству большого и богато декорированного храма. В строительстве храма вместе с мастерами-грузинами участвовала бригада мастеров-армян во главе с Григорием. Имя Григория высечено под орнаментированным крестом южного фасада, что, видимо, свидетельствует о том, что он был архитектором храма. В результате на стенах сооружения имеются записи на армянском языке - дата, выраженная по системе армянского летоисчисления (1688 г.), имена мастеров.

Если не при строительстве храма, то столетием позже в Ананури фиксируется армянский этнический элемент. По сведению Артемия Араратского, в 1795 г. "в Анануре армянских домов было до пятнадцати и одна весьма малая церковь..." Число жителей города заметно возросло после упразднения эриставства, в связи с ростом торговли и ремесел, когда город стал "воротами осетинской дороги". В 40-е - 50-е гг. XIX в. сюда, по-видимому, переселились новые группы армян, и вновь возникла необходимость строительства культового сооружения, о котором рассказывает строительная надпись на грузинском языке от 1850 г. Судя по эпитафиям, местное армянское население постепенно становилось грузиноязычным.

ГРЕМИ (с. 153 - 170). В древнегрузинских источниках почти нет сведений о Греми до перемещения туда резиденции царя Восточной Грузии Георгия УШ в 60-х гг. ХУ в. Этот выбор был продиктован экономическими соображениями. По характеристике Н. А. Бердзенишвили, "в выгодной внешней торговле вместе с феодалами ХУІ в. участвует и кахетинский царь". В развитии этой "выгодной внешней торговли", наряду с Загеми, еще в ХУ в. немаловажной была роль Греми, куда стекались не только бежавшие из Картли и других краев крестьяне, но также нуждающиеся в покровительстве купцы и находившие здесь покупателя ремесленники. Из разных документов становится известным, что среди купцов Греми было немало и армян. Представители гремских армян состояли и на службе кахенитских ца-

рей: так, посланный царем армянин, интересующийся возможностями дипломатических сношений с русским царем, в 1562 г. встретился в Шемахе с англичанином Дженкинсоном и вел переговоры. Мдиваном царства был строитель церкви-усыпальницы Мкртыч/Матарси.

Об армянах и армянских древностях в Греми говорится также в сохранившихся записях русских послов 40-х гг. ХУП в. Из их сообщений вытекает, что армяне составляли значительную часть населения города и жили в разных его кварталах, как в торговом, так и около "цитадели". Это значит, что они принадлежали к разным сословиям феодального общества. Фактически город Греми, наряду с Загеми и Телади, был одним из основных армянских поселений в Кахети в ХУ - ХУІ вв. В результате двух походов Шах-Аббаса в 1614 и 1616 гг. были не только разорены город и край, но уничтожена или угнана в плен в Иран большая часть населения. Русские послы оказались в Греми спустя два десятилетия после этих событий, и, по их словам, "армянских церквей с 15 есть, и те пустые все". На стенах этих "пустых церквей" сохранилось довольно большое количество памятников армянской эпиграфики, которые впервые публикуются в нашей работе. Из них только трехязычная надпись Матарси/Мкртыча была издана А. Г. Шанидзе и В. С. Путуридзе. В армянскую и персидскую редакцию этого текста нами вносятся коррективы. Выясняется, что имеющиеся между редакциями расхождения вызваны отчасти тем, что их составитель исходил из сложившихся традиций составления документов в армянской, грузинской и персидской среде в отдельности, а не просто переводил текст с одного языка на другой. Интерес исследователя привлекает тот факт, что в армянской части говорится о пожертвовании "3 дымов крестьян", в грузинской - "3 дымов людей", а в персидской - "трех лиц прислуживающих". Примечательно, что в данном контексте социальное содержание приобретает термин "каци" - человек.

Говоря о малых церквях торгового квартала, историки архитектуры отмечали, что в их распоряжении нет данных для их датировки. Почти все эти малые и большие церкви датируются дешифровкой имеющихся здесь надписей на хачкарах. К тому же выясняется, что гремские хачкары совершенно свободны от тех восточных элементов, которые особенно ощутимы в творениях джугинских мастеров. Даже если не считать, что в Греми возник какой-то новый тип хачкара, следует, однако, констатировать, что прямых их аналогов мы

не находим в других поселениях Грузии. Почти все они датируются XVI в. и свидетельствуют об интенсивной культурной деятельности армян в Греми.

Армяне Греми, как и остальных поселений Кахети, угнанные вместе с грузинами в плен, по-видимому, довольно продолжительное время оставались двуязычными, на что указывают эпитафии их потомков на кладбищах армянских церквей в Новой Джуге, датируемые XVII-XVIII вв.

ГАРЕДЖА (с. 171 - 198). Основание монашеской обители Гареджийского многогорья связано с подвижнической деятельностью Давида - одного из "сирийских отцов" (VI в.). Источником истории основания является житие святого, сохранившееся в двух редакциях - архетипной и метафрасной. В связи с интерпретацией сведения о том, что Давид мог побеседовать с "варваром из местности Руиставских" на армянском языке, в кавказоведческой литературе рассматривался вопрос об этнокультурной принадлежности населения в прилегающих районах Гареджа (Н.Я.Марр, К.С.Кекелидзе, Л.М.Меликсет-Бек, С.Н.Какабадзе, А.Ш.Мнацаканян, Т.Г.Папуашвили). Однако не было предпринято попытки проанализировать данное сообщение с источниковедческой точки зрения. Мы выяснили, что автор жития пользовался литературной моделью, возникшей не ранее X в., следовательно, в этом сюжете нет отзвука исторической реальности более раннего периода. Для этнокультурной характеристики этой грузино-армяно-албанской контактной зоны определенные сведения содержат топонимика края и имеющиеся здесь памятники эпиграфики.

Из пещерных комплексов Гареджа, кроме Сабереоби, богатством поминальных записей выделяются трапезная и главная церковь Удабно, церкви Благовещения, св. Георгия и комплекс Бертубани. В нашей работе дается чтение, перевод и интерпретация свыше 25 армянских и армяно-грузинских надписей, а также уникальной четырехязычной надписи (выявлена и неоднократно издана она Л.М.Меликсет-Беком).

Факт посещения армянами-монофизитами Гареджа не ставит эту обитель в исключительное положение: состав пилигримов всегда отличался неоднородностью в социальном и этническом отношении. В армянских надписях Гареджа поименно названы иереи из Ани, Одзуна, Дманиси, Тбилиси, прибывших сюда не только в составе групп духовнослужителей, но и во главе многочисленных потоков пилигри-

мов, как об этом говорится в двух надписях священника Барсега. Интенсивность посещения едва ли можно объяснить существованием каких-то притязаний на обитель, как бы ни отождествляли пилигримы Давида Гареджели с армянским философом Давидом Непобедимым. Скорее всего речь может идти о популярности культа основателя обители и в армянской среде и о существовании давней традиции почитания общих святых.

Хронология армянских надписей охватывает период с 1274 г. по начало XIX в., следовательно, они не носят случайного характера. В данном разрезе привлекает внимание сообщение грузинского хронографа XIV в. относительно освобождения Садуном Махканабердци "двенадцати пустынь Гареджа" от взимаемых монголами налогов "калан" и "мали". Можно полагать, что это было продиктовано и той традиционной привязанностью, которую проявляли армяне по отношению к этому центру грузинского монашества и культуры.

По сведениям нарративных источников нам было известно, что в XIII - XIV вв. встречались люди, владеющие несколькими языками (Садун, Сумбат Орбелян, Енук Аркун), имеющими хождение в период монгольского владычества, но только по тексту тетралингвы Гареджа от 1352 г. мы можем судить о практическом их применении: грузинский был языком страны, армянский - родным языком пилигрима, персидский - языком тогдашней знати и литературных кругов, уйгурский - государственным языком в монгольскую эпоху.

Армянская эпиграфика Гареджа - достоверный и надежный источник исследования истории и культуры народов средневекового Закавказья.

*

*

*

Диссертационная работа опубликована в виде монографии - "Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети)". - Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1985. - 227 с. + XIV табл., 21,75 п.л. (на русском языке).

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ВКЛЮЧЕННЫХ В ДИССЕРТАЦИЮ НАДПИСЕЙ

№	Дата	Место	Характер	Язык	Стр.
1	30/40гг.УПв.	Мцхета	строительная	груз., арм.	21
2	30/40гг.УПв.	Мцхета	пометки мастер.	груз., арм.	33-34
3	УП в., П пол.	Атени	строительная	арм.	94
4	УП в., П пол.	Атени	имя мастера	арм.	105
5	УП в., П пол.	Атени	имя мастера	арм.	105
6	УП в., П пол.	Атени	имя мастера	арм.	106
7	УП в., П пол.	Атени	имя мастера	арм.	106
8	УП в., П пол.	Атени	имена изображенных лиц	арм.	105
9	УП в., П пол.	Атени	маркирующие графемы	арм.	106
10	IX-X вв.	Гареджа	отрывок из Евангелия	арм.	180
11	IX-X вв.	Гареджа	пояснит. зап.	арм., греч.	180-181
12	IX-X вв.	Гареджа	отр. из Еванг.	арм.	181
13	982/986 гг.	Атени	летоп.-пом. зап.	арм.	107
14	X в.?	Атени	помин. зап.	груз., арм. арабск.	110
15	XI-XII вв.	Атени	помин. зап.	арм.	109
16	XI-XII вв.	Атени	поминальная	арм.	109
17	XI-XIII вв.	Атени	поминальная	арм.	111
18	XI-XIV вв.?	Атени	поминальная	арм.	111
19	XI-XIV вв.?	Атени	поминальная	арм.	111
20	XI-XIV вв.?	Атени	обращение к владыке	арм.	111
21	1274 г.	Гареджа	конфес. сужден.	арм.	188
22	1302 г.	Гареджа	поминальная	арм.	189
23	1332 г.	Гареджа	поминальная	арм.	190
24	1351 г.	Гареджа	поминальная	арм.	182
25	1352 г.	Гареджа	поминальная	арм.	183
26	1352 г.?	Гареджа	поминальная	арм.	183
27	1352 г.	Гареджа	поминальная	арм.	183-184
28	1352 г.	Гареджа	поминальная	груз., арм., перс., уйгур.	184-186
29	XIV в.?	Уплисцихе	строит.?	арм.	66

30	XIV в.	Уплисцихе	неопределенная	арм.	66
31	XIV в.?	Гареджа	поминальная	арм.	184
32	XIV в.?	Гареджа	поминальная	груз в арм. транслитер.	189
33	XIV в.	Гареджа	поминальная	арм.	190
34	XIV-XV вв.	Али	поминальная?	арм.	123
35	XIV-XV вв.	Гареджа	рабоч. зап. художника	арм.	189
36	1456 г.	Дирби	строит.-помин.	арм.	127
37	1462 г.	Ахалгори	строит.-обнов.	арм.	138
38	1467 г.	Гареджа	поминальная	арм.	186
39	1467 г.	Гареджа	поминальная	арм.	187
40	1467 г.	Гареджа	поминальная	груз.	187
41	1467 г.	Гареджа	поминальная	груз.	187
42	1467 г.	Гареджа	поминальная	арм.	190
43	1468 г.	Дирби	поминальная	арм.	127
44	1471 г.	Канда	строительная	арм.	51
45	1491 г.	Ториджаври	строительная	арм.	91
46	XV в.	Гареджа	автобиограф. зап.	арм.	183
47	XV в.	Гареджа	поминальная	арм.	187
48	1502 г.	Греми	поминальная	арм.	165
49	1509 г.	Набахтеви	помин.-строит.	арм.	120
50	1553 г.	Греми	дата	арм.	165
51	1556 г.	Греми	поминальная	арм.	167
52	1566 г.	Греми	обращение к кресту	арм.	165
53	1585 г.	Уплисцихе	строительная	арм.	68
54	1493 г.	Кавтисхеви	поминальная	арм.	56
55	1595 г.	Кавтисхеви	строительная	арм.	57
56	1595 г.	Греми	строительная	арм., груз. перс.	158-160
57	XVI в.	Квахурели	строит.-помин.	арм.	74-75
58	XVI в.	Кверцхоби	эпитафия	арм.	121
59	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	164
60	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	164
61	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	164
62	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	164
63	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	165

64	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	I65
65	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	I66
66	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	I66
67	XVI в.	Греми	поминальная	арм.	I67
68	XVI в.?	Гареджа	неопределенная	арм.	I83
69	XVI в.?	Гареджа	поминальная	арм.	I83
70	XVI-XVII вв.	Мухрани	поминальная	арм.	45
71	XVI-XVII вв.	Ахалгори	поминальная	арм.	I39
72	XVI-XVII вв.	Ахалгори	поминальная	арм.	I39
73	I616 г.	Квахурели	поминальная	арм.	75
74	40-е гг. XVII в.	Ахалкалаки	строит.-помин.	груз.	6I
75	40-е гг. XVII в.	Ахалкалаки	строит.-помин.	груз.	6I
76	I652 г.	Уплисцихе	летописная	арм.	69
77	I66I г.	Гори	строит.-помин.	арм.	83
78	I674 г.	Гареджа	поминальная	арм.	I88
79	I676 г.	Мцхета	эпитафия	груз., арм.	38
80	I682 г.	Гареджа	поминальная	арм.	I88
81	I682 г.	Гареджа	поминальная	арм.	I90
82	I688 г.	Ананури	дата строит.	арм.	I45
83	I688 г.	Ананури	имя мастера	арм.	I46
84	I688 г.	Ананури	пометки мастеров	арм.	I46
85	I693 г.	Ахалгори	строительная	арм.	I38-I39
86	XVII в.	Квахурели	обращение к владыке	арм.	75
87	XVII в.	Квахурели	поминальная	арм.	75
88	XVII в.	Квахурели	поминальная	арм.	75
89	XVII в.	Квахурели	поминальная	арм.	76
90	XVII в.	Квахурели	поминальная	арм.	76
91	XVII в.	Квахурели	поминальная	арм.	76
92	XVII в.	Греми	поминальная	арм.	I64
93	XVII в.	Греми	поминальная	арм.	I66
94	XVII в.?	Греми	поминальная	арм.	I66
95	XVII в.	Греми	поминальная	арм.	I66
96	XVII в.	Греми	поминальная	арм.	I66
97	XVII в.	Греми	поминальная	арм.	I67

98	XVII в.	Гареджа	поминальная	арм.	I88
99	XVII-XVIII вв.	Атени	поминальная	арм.	II0
I00	I708 г.	Гори	строит.-помин.	арм.	85
I01	I718 г.	Цхинвали	строительная	груз.	I33-I34
I02	I723 г.	Атени	поминальная	арм.	III
I03	I74I г.	Вазиани	строит.-пом. ч.	арм.	49
I04	I746 г.	Гареджа	поминальная	арм.	I86
I05	I754 г.	Вака	поминальная мастер.	арм.	II4
I06	I754 г.	Вака	поминальная	арм.	II5
I07	I773 г.	Уплисцихе	поминальная	арм.	67
I08	I793 г.	Каралети	эпитафия	груз.	72-73
I09	XVIII в.	Вазиани	обращение к святому	арм.	49
II0	XVIII в.	Вака	строительная	груз.	II6
III	XVIII в.	Цхинвали	обращение к владыке	арм.	33
II2	XVIII в.	Гареджа	поминальная	арм.	I86
II3	XVIII-XIX вв.	Дигоми	обращение к владыке	арм.	4I
II4	XVIII-XIX вв.	Гареджа	поминальная	груз.	I88
II5	XVIII-XIX вв.	Гареджа	поминальная	груз.	I88
II6	XVIII-XIX вв.	Гареджа	поминальная	арм.	I90
II7	I80I г.	Сигнахи	дарственная	арм.	I70
II8	I810 г.	Уплисцихе	поминальная	арм.	67
II9	I823 г.	Вака	эпитафия	арм., груз.	II6-II7
I20	I823 г.	Ананури	эпитафия	груз.	I52
I21	I827 г.	Мухрани	строит.-обнов.	груз.	47
I22	I839 г.	Зерти	строительная	груз.	62
I23	I843 г.	Мухрани	строительная	арм., груз.	46-47
I24	I847 г.	Уплисцихе	поминально- строительная	груз.	68
I25	I850 г.	Ананури	строительная	груз.	I48
I26	I85I г.	Мцхета	строительная	арм., груз.	39-40

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ СООТНОШЕНИЕ НАДИСЕЙ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ ГРУППАМ

Номерация надисей в соответствии со Сводной таблицей (с. 34 - 37 настоящего автореферата) 38

Дата (века)	Строительные	Ломотки и линейные масте- ры	Помнятные	Обращения к власти	Молитвенные записи	Эпитафии	Маршрутные графемы	Пояснительные записи	Толково дата	Отрывки из Евангелия	Летописные записи	Конфессио- нальное сужд.	Начало сохранения	Рабочая запись
II-X	1, 3	2, 4-7	14				9	8, II		10, 12	13			
XI-XIII			15 - 19	20								21	30	
XIV	29(?)		22 - 28, 31 - 34											35
XV	36, 37 44, 45		38 - 43, 46, 47											
XVI	49, 53 55 - 57		48, 51, 54 59 - 67, 69 - 72		52	58			50				68	
XVII	74, 75, 77, 85	83, 84	73, 78, 80 81, 87-99	86		79			82		76			
XVIII	100, 101 103, 110		102, 104- 107, 112, 114 - 116	109 111, 113		108								
XIX	121-123, 125, 126		117, 118 124			119, 120								
Всего	25	7	70	5	1	5	1	2	2	2	2	1	2	1

Сдано в производство 29.08.1985г.

Бум. 60x84 печ. 2 лист

Заказ 207

Тираж 120

Цех "Ротапринт" Ереванского госуниверситета.

Ереван, ул. Мравяна № 1.